

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

П.С. Гуревич

Э. ШПРАНГЕР О ПРЕКРАСНОМ И ОБ ЭСТЕТИЧЕСКОМ ЧЕЛОВЕКЕ

Аннотация. Статья посвящена анализу эстетических идей немецкого философа, психолога и педагога Эдуарда Шпрангера. В минувшем году книга этого философа «Формы жизни: гуманитарная психология и этика личности» была впервые полностью издана на русском языке. В числе шести человеческих типов Э. Шпрангер выделил эстетического человека. Реконструируя этот тип, он обращается к эстетике и излагает множество собственных суждений о природе прекрасного и эстетике как психологическом персонаже. Особую ценность при этом имеют его размышления о видных философах и поэтах, которые, по его мнению, относятся к эстетическому типу.

В статье используются методы и приёмы эстетического анализа художественных произведений. Типология форм жизни в статье выводится из совокупной картины философии духа. Автор опирается на герменевтический анализ художественного творчества, эстетической практики.

Анализ эстетического человека в творчестве Эдуарда Шпрангера проводится в отечественной литературе впервые. Автор статьи отмечает, что эстетик в понимании С. Кьеркегора и эстетический человек Э. Шпрангера не совпадают по своей концептуальной трактовке. Анализируются в сравнении экспрессионистский и импрессионистский способ существования. В статье подчеркнута, что некоторые положения эстетической теории Шпрангера не отличаются новизной, а подчас и требуют критической оценки.

Ключевые слова: поэзия, литература, формы жизни, эстетический человек, искусство, художественный образ, фантазия, воображение, прекрасное, красота..

Abstract. The article analyzes the aesthetic ideas of the German philosopher, psychologist and educator Eduard Spranger. Last year his book «Types of men: the psychology and ethics of personality» was for the first time fully published in the Russian language. Among six human types E. Spranger singles out the aesthetic man. Reconstructing this type, he turns to aesthetics and exposes his opinions about the nature of the beautiful and aesthetics as a psychological character. A special role belongs to his ideas about prominent philosophers and poets who, he believes, represent the aesthetic type.

The article uses methods and techniques of aesthetic analysis of works of art. The typology of forms of life is deduced from a comprehensive picture of the philosophy of spirit. The article is based on hermeneutic analysis of artistic creation and aesthetic practice. The aesthetic man in the works of Eduard Spranger is analyzed for the first time in Russian literature. The author of the article point out that an aesthetician as S. Kierkegaard understands it and the aesthetic man of E. Spranger are not similar by their conceptual interpretation. The expressionist and impressionist modes of being are compared and analyzed. The article underlies that some propositions of the aesthetic theory of Spranger are not new and sometimes require critical assessment.

Key words: poetry, literature, forms of life, aesthetic man, art, artistic image, fantasy, imagination, beautiful, beauty.

Вслед за С. Кьеркегором Э. Шпрангер выделяет в качестве самостоятельного духовного типажа человека эстетического. Однако трактовка этого персонажа у датского и немецкого философов различна. Если эстетик у С. Кьеркегора человек, который полно-

стью вовлечен в поток жизненных удовольствий, то у Э. Шпрангера эстетический человек связан с творческой деятельностью, с искусством и соответственно с эстетикой.

Как же немецкий философ трактует науку о прекрасном? Она, по его словам, исследует более

обстоятельно, где проходят границы между объектом как таковым и тем, чем наделяет этот объект наша душа. Разумеется, эстетический опыт требует более конкретного определения. Ведь душа действительно воспринимает объекты окружающего мира иначе, чем разум. Но указание Шпрангера на сугубую автономность восприятия можно принять без оговорок. Чувственное в своей единичности рассматривается поэтому как частный случай всеобщей закономерности. «То, что мы, сталкиваясь с ним в жизни, принимаем за ожидаемое и рассматриваем как частный случай всеобщего, конечно же, не является познанием прекрасного ни в природе, ни в искусстве. Закат солнца, производящий на нас неизгладимое впечатление, не просто один из закатов: это тот неповторимый закат, который является для нас «трагедией неба». Именно в области искусства впервые выяснилось, что произведение искусства нельзя понять как таковое, если оно рассматривается лишь со стороны его встроенности в другие взаимосвязи. Его истина, обращённая к нам, – это не проявление заключённой в нём всеобщей закономерности [1, с. 8].

Произведения искусства на самом деле рождаются только из эстетически переживающей души. Эстетическое свободно от вождления. Но оно не свободно от страсти. Реальное соприкосновение с внешним миром рождает поток эмоций и аффектов. Эстетический человек охватывает действительность своей фантазией. Он стремится даже страдание сделать упоительным. Такой человек живёт в наглядно-образной полноте. Есть люди, которые легко переходят от одного впечатления к другому. Их томит жажда переживания. Таких людей Э. Шпрангер называет экспрессионистами существования. Они пытаются разделить собственные впечатления с другими людьми. Есть и другие люди, которые, напротив, размещают переживания в своем внутреннем мире. Они делают их недостижимыми для других. Таких людей Э. Шпрангер называет импрессионистами существования.

В качестве представителя импрессионистского направления Шпрангер называет В. Дильтея. По мнению Шпрангера, этот философ и историк отказывался от понятий, если они не удовлетворяли его образно-зримой индивидуальности. Сам он называл это «предосторожностью». «На самом деле, – пишет Шпрангер, – это была эстетическая черта его духа, приводившая порой к боязни понятий и принуждавшая его оставлять на действующих лицах тот последний покров, который есть и на са-

мой жизни. Но при этом он ненасытно предавался созерцанию конкретных исторических персонажей» [2, с. 152].

Теоретическая установка, понятное дело, отступает у художника на второй план. Вечные законы жизни он стремится отразить в их сугубой неповторимости, самобытности, единичности. Для XX века все эти размышления вряд ли отличаются новизной. В той же мере можно отметить, что указание на отсутствие в искусстве прямой заинтересованности в объекте, тоже ко времени выхода книги Шпрангера было уже общепринятым утверждением.

Оценивая эстетический опыт, Кант отмечал феномен незаинтересованности в восприятии искусства. «Для того чтобы судить о красоте в природе как таковой, мне не надо сначала иметь понятие о том, чем должен быть этот предмет; другими словами, мне нет необходимости знать содержательную целесообразность (цель); в суждении нравится сама форма как таковая без знания цели» [3, с. 152]. Вообще говоря, концепция незаинтересованности в искусстве играла главную роль в теории восприятия красоты еще во времена А. Шефтсбери. Он собственно и ввёл это понятие. Он имел в виду только то, что оценка красоты отличается от оценки вещей, которыми мы можем воспользоваться. Его оценка красоты в корне отлична от оценки красоты у Ф. Хатчесона, который предложил собственный теоретический смысл понятия незаинтересованности: глаз видит красный объект независимо и даже вопреки любым отношениям, в которые этот объект вступает.

Проблема незаинтересованности в эстетике Шефтсбери возникает при анализе им процесса созерцания прекрасного. Этот процесс является для Шефтсбери чисто интеллектуальным процессом. И в этом случае можно найти ряд противоречий. Такое противоречие заключается в предложении о том, что существует не только «внутренняя», но и «внешняя» красота. В отличие от бытующей сейчас теории эстетической установки Шефтсбери не ставил своей задачей выведение специфики эстетического объекта из специфики эстетического восприятия. Фактически, метафизическим обоснованием незаинтересованности у Шефтсбери является платонизм.

Но ценность рассуждений Шпрангера заключается, пожалуй, в том, что он приводит иллюстрации не столько из художественной практики, сколько рассматривая в качестве примера эстетического че-

ловека – Шиллера, Фехнера, Лейбница и других учёных. Он также отмечает, что эстетический человек воспринимает природу иначе, чем теоретический человек. В этой сфере для данных психологических персонажей уместнее мифологический способ мышления. Он даже уверен, что без эстетического органа понять сущность природы невозможно. Шпрангер уточняет, что Аристотель, к примеру, не был поэтической натурой, но он всё же обозначил в центре своей системы понятие энтелехии. И это неудивительно, потому что в античной Греции чувство формы было достаточно развито.

«Психическая индивидуальность человека или эпохи, – пишет Шпрангер, – доступна только для подобного эмпатического чувства формы. Здесь проходит поэтому граница искусства и науки, и кажется, словно мы только тогда глубже проникли бы в действительность, когда бы мы схватывали её не только одними теоретическими (понятийными) средствами, но всеми силами нашей души. Постольку, следовательно, эстетическому типу присущ особый орган понимания мира, своего рода способность предчувствия или вчувствующейся интуиции» [2, с. 153].

Шпрангер, к сожалению, в основном пытается охарактеризовать эстетический тип через сопоставление с другими психологическими типами. Само собой понятно, что не продаётся вдохновение. Конечно, произведения искусства обладают определённой материальной стоимостью. Однако тот, кто приписывает эстетической практике какую бы то ни было пользу, техническую или моральную, способность к развлечению или поучению, разрушает её чистую сущность. Конечно, в эстетической теории эти проблемы рассматриваются с большей обстоятельностью. Понятное дело, что роман воспитания не исчерпывается стремлением воспеть труд или добродетель. Его назначение гораздо более проникновенное. Писателя заботит в первую очередь реальность переживаний. Гёте не стал бы воспевать коммерсанта. Однако это трудно сказать про Бальзака.

Немецкий философ полагает, что эстетический человек как психологический типаж скорее индивидуалист, нежели коллективист. Хотя эта мысль не безупречна. Так называемые социальные романы часто содержат открытый замысел их авторов – вмешаться в общественную жизнь людей, снабдить их нужными ориентирами. Можно ли сказать, что автор относится к своим героям путём свободного и лёгкого касания индивидуаль-

ностей, если Флобер заявил, что «мадам Бовари – это я!». Нет окончательных оснований также для того, чтобы назвать эстетика эротиком. Разумеется, любовь во всем многообразии её проявлений является достоянием искусства. Но можно ли в эстетическом типе констатировать повышенную эротичность? Есть ли основания в этом контексте сравнивать, например, маркиза де Сада и Н.Г. Чернышевского?

«Чистый эстетик, – пишет Э. Шпрангер, – всегда позволяет фантазии чересчур сильно влиять на его социальные отношения. Он не способен понимать той верности взаимной помощи, которая обращается с любовью к другому, даже если душа другого лишена привлекательности и грации. Он нечувствителен к хозяйственному содержанию общности. Реалистическое знание людей ему тоже не свойственно» [2, с. 158]. Здесь невольно закрадывается мысль, что Э. Шпрангер конструирует тип эстетического человека по весьма отвлечённым от художественной практики признакам.

Вполне справедливо, что в эпоху Средневековья не могло найти себя внерелигиозное искусство. Но сама проблема отношения искусства и религии обладает множеством уровней. «Душевная структура, стоящая ближе к природно-чувственному и более свободная от религиозной традиции, имеет возможность, – сообщает Шпрангер, – как бы дорастить свою внутреннюю эстетическую организацию до той бесконечности отношений, которые характеризуют религиозное в широком смысле этого слова» [2, с. 162].

Э. Шпрангер наделяет эстетического персонажа рядом психологических качеств, связанных с мотивацией. К их числу он относит самореализацию, совершенствование самости и наслаждение собой. Но разве теоретический человек не стремится к самореализации? Действительно ли человеку науки не присуще наслаждение собой? Нарциссизм как психологическая черта встречается в науке не реже, чем в литературном творчестве. Достаточно сослаться на самооценку Шопенгауэра в его полемике с Гегелем.

Интересны обобщения Шпрангера в его трактовке категории «прекрасного». По мнению немецкого философа, категория прекрасного прежде всего связана с изображением человека, плотски-душевной тайны, женственности. В качестве примера он называет Мадонну с младенцем, которая парит между небом и землей. Для эпохи Возрождения это действительно первичный тип

прекрасного. Но для эпохи Романтизма поэтизация природы, пожалуй, окажется более значимым выражением данной категории «прекрасного». Несомненно, во всех этих вариантах постижения смысла искусства особую важность приобретает «искра души».

Эстетический человек для Шпрангера – самостоятельная форма жизни. Такой персонаж, по его мнению, живёт в конкретных образах, отдален от реальности и с помощью воображения создает иной мир. Следовательно, его отличает стремление к гармонии и образному построению мира.

Список литературы:

1. Гуревич П.С. Эстетика. М.: КНОРУС, 2011. 456 с.
2. Шпрангер Эдуард. Формы жизни: Гуманитарная психология и этика личности / Пер. А.К. Судакова. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2014. 400 с.
3. Кант И. Собр. соч. в 8-и тт. Т. 5. М.: Чоро, 1994. 414 с.
4. Бычков Виктор. Эстетическая аура бытия. Современная эстетика как науки и философия искусства. М.: Изд-во МБА, 2010. 784 с.
5. Бычков Виктор. Эстетика Блаженного Августина. 2-е изд., испр. М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2014. 528 с.
6. Голосовкер Яков. Избранное: Логика мифа. М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2010. 496 с.
7. Миф и художественное сознание XX века / Отв. ред. Н.А. Хренов. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2011. 687 с.
8. Очерки эстетики и теории искусства / Отв. ред. Н.А. Хренов, А.С. Мигунов. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2013. 448 с.
9. Эстетика немецких романтиков. М., СПб.: Университетская книга, 2014. 576 с.

References (transliteration):

1. Gurevich P.S. Estetika. M.: KNORUS, 2011. 456 s.
2. Shpranger Eduard. Formy zhizni: Gumanitarnaya psikhologiya i etika lichnosti / Per. A.K. Sudakova. M.: «Kanon+» ROOI «Reabilitatsiya», 2014. 400 s.
3. Kant I. Sobr. soch. v 8-i tt. T. 5. M.: Choro, 1994. 414 s.
4. Bychkov Viktor. Esteticheskaya aura bytiya. Sovremennaya estetika kak nauki i filosofiya iskusstva. M.: Izd-vo MBA, 2010. 784 s.
5. Bychkov Viktor. Estetika Blazhennogo Avgustina. 2-e izd., ispr. M., SPb.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2014. 528 s.
6. Golosovker Yakov. Izbrannoe: Logika mifa. M., SPb.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2010. 496 s.
7. Mif i khudozhestvennoe soznanie XX veka / Otv. red. N.A. Khrenov. M.: «Kanon+» ROOI «Reabilitatsiya», 2011. 687 s.
8. Ocherki estetiki i teorii iskusstva / Otv. red. N.A. Khrenov, A.S. Migunov. M.: «Kanon+» ROOI «Reabilitatsiya», 2013. 448 s.
9. Estetika nemetskikh romantikov. M., SPb.: Universitetskaya kniga, 2014. 576 s.